

Сомов Орест

В поле съезжаются, родом не считаются

Орест Михайлович Сомов

В поле съезжаются, родом не считаются

Жил-был на святой Руси близ каменной Москвы мужичок богатенок, а норовом крутенок, звали его Сидором Пахомовым; а у того Сидора был работник Елеся, ходил губы развеся. Люди крещеные толковали, что Елеся был простоват; красные девушки над ним подсмеивались, и прослыл он по всему миру сельскому дурачком бессчетным. Вот однажды сбежали у хозяина его со двора кони, и послал он Елесю тех коней перенять и во двор пригнать. Вышел Елеся за село чуть на дворе рассвело, еще и красное солнышко не взошло; и видит Елеся: пасется аа селом на выгоне клячонка попа Ерофея. И взмолил Елеся: "Не прогневайся, поп Ероха, пешком идти доброму молодцу плохо: за борзыми конями не угоняешься, а только упреешь да умаешься". И взнуздal Елеся попову клячонку, сел на нее, едет да погоняет, да песенки попевает; и выехал он на чистое поле, на широкое раздолье; трюх да трюх, скачет на волю божью куда глаза глядят. Взял он из дому пук веревок, чтобы стреножить хозяйских коней, коли отыщет; и те веревки повесил он себе на шею, топор заткнул за пояс, а косу перекинул через плечо. И вот едет да погоняет, да песенки попевает; и наехал он на такое место, откуда три дороги разбегались в три разные стороны: одна шла направо, другая налево, а третья посредине. И взяло раздумье доброго молодца: по какой путь-дороге ему пуститься? Думал, думал и пустился по средней; едет да погоняет, да песенки попевает. Вот навстречу ему скачет и пылит, инда небо коптит басурман Калга Татарской; крикнул-гаркнул молодецким покриком: "Прочь с дороги, мужичишка серый! не то - у меня коротка расправа: хвачу тебя слева да справа, так и дух вон, и башка долой". И возговорил ему Елеся: "В поле съезжаются, родом не считаются. Коли ты богатырь, а не мыльный пузырь, так выходи со мной переведаться и силами померяться". И крикнул-гаркнул басурман Калга Татарской: "Ох ты серый мужичишка, глупый твой умишка! Когда такие дива бывали, чтоб крестьяне богатырей на бой вызывали? Да я тебя и саблей не уважу, одной нагайкой слажу". А Елеся ему на то ответил: "Ах ты неразумная бритая башка татарская! Идти на рать - не песню орать: хвались тогда, как сможешь; а бог даст, и сам буйную голову положишь". И взбесился сердитый Калга-богатырь, бровью моргнул, усом шевельнул и саблей взмахнул; а Елеся перекрестился, с клячонки на землю спустился, к басурману подскочил, косою по шее хватил, словно былинку скосил; и пал богатырь Калга на сыру-землю как овсяный сноп, а Елеся его как липку облупил и белое его тело под кустом схоронил; сам в басурманово платье оделся и на борзом калгином коне уселся; едет да погоняет, да песенки попевает. И видит: среди поля раскинуты шатры мурзовецкие и в тех шатрах рать-сила великая, а вокруг шатров пасутся коней табуны несметные. И крикнул-гаркнул Елеся молодецким покриком на всю рать-силу басурманскую: "Гой-еси вы, татаре ордынские! Я ваш воевода Калга-богатырь. Чтобы мигом-летом готово мне было что ни лучших коней три дюжины, со всею сбруей золоченою; а гнали бы их за мною два татарина в смирном платье, без доспехов богатырских". Вот поехал Елеся впереди, а татаре позади коней за ним гонят и перед ним буйные головы клонят. И привел их Елеся в свое село, в ту пору как мир крещеный шел от службы божией; и кликнул Елеся знакомых крестьян, своим именем сказался и честным крестом ограждался; и по его слову крестьяне тех двоих татар схватили, связали да в темный погреб посадили. А из добытых коней подарил Елеся тройку своему прежнему хозяину Сидору Пахомову, да пару попу Ерофею; остальных же и со всей

сбруей продал в каменной Москве и на те деньги стал жить да поживать, худо сбывать, да добро наживать.